

палача приговоренный къ смерти, зная, что онъ не можетъ спастись; и съ каждой минутой онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ усилия борьбы, онъ ближе и ближе становился къ тому, что ужасало его. Онъ чувствовалъ, что мученіе его и въ томъ, что онъ всовывался въ эту черную дыру, и еще больше въ томъ, что онъ не можетъ пролѣтѣть въ нее. Вдругъ какая то сила толкнула его въ грудь, въ бокъ, еще сильнѣе сдавило ему дыханіе, онъ провалился въ дыру и тамъ въ концѣ дыры засвѣтилось что-то. Съ нимъ сдѣлалось то, что бывало съ нимъ въ вагонѣ желѣзной дороги, когда думаешь, что ѳдешь впередъ, а ѳдешь назадъ, и вдругъ узнаешь настоящее направлѣніе. Это было въ концѣ третьаго дня, за два часа до его смерти. Въ это самое время сынъ гимназистикъ тихонько прокрался къ отцу и подошелъ къ его постели. Умирающей все кричалъ отчаянно и кидалъ руками. Рука его попала на голову гимназистика. Гимназистикъ схватилъ ее, прижалъ къ губамъ и заплакалъ. Въ это самое время Иванъ Ильичъ провалился, увидавъ свѣтъ, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить. Онъ спросилъ себя: что же «то»?—и затихъ, прислушиваясь. Тутъ онъ почувствовалъ, что руку его цѣлюетъ кто-то. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла къ нему. Онъ взглянулъ на нее. Она съ открытымъ ртомъ и съ неотертыми слезами на носу и щекѣ съ отчаяннымъ выражениемъ смотрѣла на него. Ему жалко стало ее. И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходить сразу, и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не больно было. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. «Какъ хорошо и какъ просто» подумалъ онъ. «А боль» спросилъ онъ себя. «Ее куда?». «Ну-ка, гдѣ ты, боль?» Онъ сталъ прислушиваться. «Да, вотъ она. Ну что жъ, пускай боль». «А смерть? Гдѣ она?» Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти и не находилъ его. Гдѣ она? какая смерть? страха никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти былъ свѣтъ. Такъ вотъ что!—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость! Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его клокотало что-то, изможденное тѣло его взрагивало. Потомъ рѣже и рѣже стало клокотанье и хрипѣніе.—Кончено! сказалъ кто-то надъ нимъ. Онъ услыхалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. Кончена смерть, сказалъ онъ себѣ. Ея нѣть больше. Онъ втянулся въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вздоха, потянулся и умеръ.